

"Джинни... Я знаю, что она проклянет меня за эти слова, ведь это полностью моя вина, но мы оба изменились за время нашей разлуки, и теперь между нами все не так, как раньше. Раньше я смотрел на ее имя на карте Хогвартса и успокаивался, что она жива. Но это были лишь приятные воспоминания о более простых временах, а сейчас... и я думаю, что она чувствует то же самое, честно говоря. Она не может простить мне, что в прошлом году я отодвинул ее на второй план, вытеснил из борьбы. Она очень, очень ненавидела это. В тот момент я был для нее больше похож на старшего брата, чем на равного партнера. И я не знаю всего, что ей пришлось пережить в Хогвартсе с Кэрроу, она не любит это обсуждать, но это было... плохо. Сейчас она еще более злой человек. И в этом-то и дело..."

Он заколебался, но знал, что должен продолжить, чтобы помочь Гермионе все понять.

Брови Гермионы были подняты вверх под чёлкой. Ее книга была тихо закрыта и отложена на стол, и она забыла о своих исследованиях, наблюдая за тем, как Гарри возится со своим яблоком.

"Ты знаешь, я ненавижу говорить о... Дурслях..." Он слегка прочистил горло и хрустнул шеей. "Но я понял, что мне нравится в Джинни то, как она кричит. Тон голоса, то, как она раздражается из-за глупых мелочей. И миссис Уизли тоже. Думаю, после войны они обе стали более несдержанными. Я знаю, что они ничего не имеют в виду, они обе сильные ведьмы и сильные бойцы, и им пришлось сражаться, они использовали это во благо, это не похоже на... это не их вина, я имею в виду. Я забочусь о них, я знаю, что они хорошие люди. Но когда это касается меня, или даже просто когда я нахожусь рядом с этим... это возвращает меня к моей тете Петунии. На Дурслей всегда много кричали, особенно на меня. Когда все было тихо и спокойно, тогда я был в безопасности".

Гарри сделал небольшую паузу и тихо сказал: "Мне нужно восстановиться после войны. Не говоря уже обо всем остальном, через что я прошел".

Гермиона хмыкнула в знак согласия и бросила на него напряженный взгляд.

Гарри предпочел проигнорировать ее взгляд и перейти к тому, что он действительно хотел сказать, прежде чем она успела ответить. "Я очень рад быть здесь с тобой, только мы вдвоем, прямо сейчас. Я знаю, когда мы были в бегах, это было не совсем качественное время. Но я все равно чувствую какое-то... легкое чувство, будто сейчас мне легче быть с тобой, чем с другими людьми. Я... я знаю, что могу доверять тебе. Я чувствую, что ты... понимаешь, или что-то в этом роде. И то, как ты извинился за то, что слишком остро отреагировал на мою грудь, и объяснился, взял паузу, чтобы успокоить себя. Вот чего мне не хватает в жизни. Я хотел, чтобы ты это знал".

Гарри откусил от яблока, давая понять, что его речь подошла к концу.

Он чувствовал себя немного онемевшим, пока жевал. Было трудно выразить все это словами. Он не знал, что скажет так много, но по мере того, как он говорил, все складывалось в единое целое, выплескивалось из него, из его стремления заставить Гермиону понять. Возможно, он

совершил большую ошибку. Но нет, напомнил он себе, он не сказал ничего безумного. Он говорил о дружбе и доверии, о том, что ему нужен покой и тишина. Зная Гермиону, он был уверен, что она разделяет его чувства, по крайней мере, в этом.

Теперь она знала, что с Джинни все кончено. Надеюсь, Гермиона была убеждена и не станет уговаривать его вернуться к Уизли и попробовать еще раз. У него было достаточно времени для того, чтобы узнать остальную часть правды, его вновь обретенное влечение к Гермионе, чтобы прийти позже, после того как он узнает больше о ее стороне вещей. Если это вообще было возможно. Он полагал, что она не в ладах с Роном, и у него будет шанс - с чего бы, в конце концов, ей быть там с ним? - Но он не знал наверняка, поэтому нужно было начать с малого.

Гарри сглотнул и продолжил есть яблоко, немного расслабившись и будучи более уверенным в том, что не совершил ошибки.

Гермиона глубоко задумалась на минуту-другую, и на её лице промелькнули различные волны эмоций. Скрестив руки, она откинулась на спинку кресла и задумалась.

Это было необычно для Гарри - так откровенно и открыто говорить о своих эмоциональных переживаниях. Казалось, он прилагает реальные усилия, чтобы добиться взаимопонимания с ней. На нее произвела впечатление новая зрелость, которую она в нем увидела. Он менялся и рос в хорошем смысле слова после войны, пытался понять, какой жизни он хочет, становился более самосознательным, думала она. Было приятно осознавать, что он планирует остаться с ней или, по крайней мере, жить где-то еще, кроме Нору, и что он не просто взял ее с собой в короткий поход из чувства долга. Этот план импровизированной поездки был для него гораздо глубже, чем она предполагала. От этой мысли ей стало как-то странно тепло внутри.

Гермиона могла легко понять мотивы Гарри, побудившие его покинуть Нору, ведь они почти совпадали с ее собственными. Она была потрясена тем, что его чувства к Джинни исчезли, но не понимала, как Джинни сможет преодолеть связь с тётёй Петунией. Неприязнь Гарри к Дурслям была так глубока. Уизли, несмотря на свою любящую семейную атмосферу, были очень шумными и хаотичными, и если это стало напоминать Гарри о Дурслях... ой, да это всё меняло. Теперь он никогда не вернётся в Нору, и он на сто процентов порвал с Джинни. Это была важная информация. Ей придется обдумать ее позже, потому что сейчас она казалась слишком большой, чтобы полностью охватить ее мозг.

Одна нога впереди другой. Гермиона должна была ответить ему тем же. Она была в долгу перед ним после тех усилий, которые он приложил, чтобы объяснить ей все. Но с чего начать? Бурные эмоции вспыхнули в ней, как заклинание, а мысли стали беспорядочными. Придется просто выкручиваться.

Она глубоко вздохнула и начала нервно перебирать ногти, ее руки и лицо становились все напряженнее и напряженнее, пока она наконец не заговорила. "Рон попросил меня выйти за него замуж".

"ЧТО?!" Гарри не мог не увеличить громкость своего голоса.

Гермиона слегка истерично рассмеялась, и в ее глазах заблестели слезы, когда она посмотрела на потолок, а затем устала на столешницу, усиленно моргая. "Он подталкивал меня к тому, чтобы я... больше отвечала на его ласки, спрашивал, что не так. Но когда я пыталась сказать ему об этом, он не слушал. Я надеялась, что даже такому тупоголовому, как он, будет ясно, что это не просто мимолетная ссора из-за моих п... моих п... моих родителей. Может, потому что для него они просто магглы... Мне неловко даже думать об этом, но несколько раз... "Все равно они не волшебники, Гермиона, по крайней мере, они живы и счастливы, а ты можешь просто быть ведьмой" - все в таком духе". Она подражала голосу Рона в грубой и гнусавой манере, что, к сожалению, было довольно точно.

"Потом тот факт, что он бросил нас, сдался и пошел домой. Потому что он был голоден. И, похоже, ожидает, что я просто перееду и забуду об этом. Ты уже злилась на меня, так что просто смиришься с этим, Гермиона, я же извинился и все равно вернулся, разве нет? Проклятье этому болвану, он никогда не поймет, что это со мной сделало..."

Гермиона громко фыркнула, а затем всхлипнула, когда слезы полились у неё из глаз, она опустила голову и сцепила руки на столе перед собой. Ее рыдания были жалкими и разрывали сердце Гарри. Он протянул руку и накрыл её руки своими, успокаивая сжатые кулаки нежными поглаживаниями, и молча слушал, как она сотрясается от горя и ярости. Он знал, что пока не должен ничего говорить.

<http://erolate.com/book/4209/125414>